



## Истина

Вот что я знаю наверняка и считаю истиной.

Меня зовут Лу Лин Лю Янг. Моих мужей звали Пань Кай Цзин и Эдвин Янг. Они оба умерли, и их секреты ушли вместе с ними. Мою дочь зовут Рут Люи Янг. Она родилась в год Водяного Дракона, а я — в год Огненного Дракона. Так что мы с ней — одно и то же, но выраженное в разных стихиях.

Я все это знаю, но есть одно имя, которое я никак не могу вспомнить. Оно затерялось в самых дальних слоях памяти, и я не в силах его выудить. Сотни раз я возвращалась к воспоминаниям о том утре, когда Драгоценная Тетушка написала его для меня. Мне тогда исполнилось всего шесть лет, но я была очень умной: умела читать, считать и запоминала все, что видела. Вот что сохранилось у меня в памяти о том зимнем утре.

Все еще сонная, я лежала на кирпичной лежанке *кан*<sup>1</sup>, где спала вместе с тетушкой. Наша крохотная комнатка дальше всех отстояла от печи, поэтому кирпичи подо мной уже давно остыли. Вдруг

---

<sup>1</sup> Типичный кан представлял собой широкую кирпичную или глиняную лежанку, внутри которой по специально проведенным каналам проходил горячий воздух от печи, одновременно являясь дымоходом (традиционная система отопления в крестьянских домах Северного Китая и Кореи). Печь, находившаяся у одного из концов лежанки, служила также и для приготовления пищи. — *Примеч. пер.*

я почувствовала, как кто-то потряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидела, как Драгоценная Тетушка принялась что-то писать на клочке бумаги. Когда она показала мне написанное, я пробурчала:

— Ничего не вижу. Слишком темно.

Она недовольно фыркнула, положила бумажку на низкий шкафчик и жестом велела мне встать и подойти. Разжигая жаровню для чайника, она прикрыла нос и рот шарфом, чтобы защититься от копоти. Наш день, как обычно, начался с того, что тетушка разогрела в чайнике воду для умывания и тщательно намылила мне лицо и уши. Потом она причесала меня, старательно разделяя волосы на пробор, смачивая водой и приглаживая непослушные пряди. Затем она собрала их у корней красной резинкой, а у кончиков — зеленой, и я встряхнула головой, чтобы мои косицы разлетелись, как уши счастливых дворовых собак.

Тетушка принялась, словно тоже вообразила себя собакой, которая пыталась определить, что же за приятный аромат витает в воздухе. Так она изобразила мое прозвище: Моська. Это был ее способ разговаривать.

У нее не было голоса, она могла только пыхтеть и сипеть. Она умела рассказывать целые истории с помощью гримас и стонов, танцующих бровей и выразительных взглядов. Она описывала окружающий мир, используя восковую дощечку, которую я везде носила с собой, и создавала на ней своими потемневшими руками целые картины. Я выросла в царстве, лишенном звука, но с очень выразительным языком жестов, мимики и мела.

Пока она укладывала волосы в тугую прическу, я играла с ее сокровищами. Вытащив из коробочки

красивый гребень из слоновой кости с вырезанными по краям петухами (Драгоценная Тетушка родилась в год Петуха), я заявила:

— Надень это. Красиво!

Я была еще маленькой и считала, что красота зависит от предметов. А еще мне хотелось, чтобы мама была к ней более благосклонна. Но Драгоценная Тетушка покачала головой. Она сняла шарф, указала на свое лицо и нахмурилась. «К чему мне себя украшать?» — словно спрашивала она.

Край ее челки касался бровей, как у меня, а остальные волосы были убраны в тугую пучок, скрепленный серебряной заколкой. У нее был гладкий, как персик, лоб, широко расставленные глаза и пухлые щеки, между которыми красовался крохотный вздернутый нос. Так выглядела верхняя часть ее лица. Но была еще и нижняя.

Ее потемневшие пальцы вспорхнули, как языки пламени:

— Смотри, что наделал огонь!

Я не считала ее уродливой, в отличие от остальных членов нашей семьи.

— Ай-ай! Попадись она на глаза демону, он выпрыгнет из своей шкуры! — как-то сказала при мне мама.

Когда я была маленькой, мне нравилось касаться рта Драгоценной Тетушки. Он казался очень необычным. Половина кожи была бугристой, а та часть, где губы срослись вместе, выглядела гладкой, будто расплавленной. Внутренняя сторона ее правой щеки стала жесткой, как невыделанная кожа, а левая оставалась влажной и мягкой. Из обожженных десен выпали зубы, а язык напоминал опаленный корень.

Она не могла насладиться многими радостями жизни, не ощущая вкуса: ни соленого, ни горького, ни кислого, ни сладкого, ни острого.

Кроме меня, никто не понимал речь тетушки, поэтому мне приходилось говорить за нее. Но я передавала не все. Наши тайные истории я оставляла для себя.

Она часто рассказывала о своем отце, Знаменитом Костоправе из предгорья, и о пещере, в которой они нашли священные кости дракона<sup>2</sup>, которые могли исцелить любую болезнь, кроме разбитого сердца.

— Расскажи еще раз, — попросила я в то утро, ожидая историю о том, как она обожгла лицо и стала моей няней.

— Я была пожирательницей огня, — сказала она с помощью рук и глаз. — Люди сотнями приходили посмотреть на мое выступление на рыночной площади. В свой горящий рот я опускала сырую свинину, острый перец и бобовую пасту, перемешивала и предлагала желающим попробовать. И все говорили, что получилось очень вкусно! Я открывала рот, чтобы ловить в него медные монеты. Но настал день, когда я проглотила огонь, он вернулся и поглотил меня саму. После этого я решила, что больше не буду изображать котелок для приготовления пищи. Вместо этого я стала твоей нянькой.

Я засмеялась и захлопала в ладоши. Эта выдуманная история нравилась мне больше всех остальных.

---

<sup>2</sup> «Драконьими костями» в Китае, скорее всего, называют кости древних вымерших животных, которые находили сельские жители. Дракон в китайской мифологии и культуре — символ доброго начала Ян, символ богатства и могущества. «Драконьи кости» в традиционной китайской медицине издавна применяли с лечебной целью. — *Примеч. ред.*

За день до этого она рассказывала, как смотрела на несчастливую звезду, падавшую с неба, и как та упала прямо ей в рот и обожгла лицо. А до этого говорила, что спутала угли для стряпни с острым блюдом хунаньской кухни.

— Хватит историй, — сказала Драгоценная Тетушка быстрыми руками. — Скоро завтрак, а до него мы должны успеть помолиться.

Она забрала клочок бумаги со шкафчика и спрятала его в свою туфлю. Мы надели теплую зимнюю одежду и вышли в стылый коридор. В воздухе висел запах тлеющих углей, доносящийся с другого конца дома. Я увидела Старого Повара, разминающего руки перед тем, как начать крутить рукоять колодца, и услышала, как одна из женщин, живущих тут, кричит на свою ленивую невестку. Я прошла мимо комнаты, которую моя сестра Гао Лин делила с матерью. Они обе еще спали. Мы торопливо направились к крохотной, выходящей на юг комнатке — залу предков. На пороге Драгоценная Тетушка бросила на меня предупреждающий взгляд:

— Веди себя скромно. Разуйся.

В одних чулках я ступила на стыелые серые плиты. В ту же секунду меня охватил леденящий холод, который, скользнув по ногам и пронзив тело, вырвался наружу потекшим носом. Меня била дрожь. Я стояла перед стеной, покрытой многочисленными свитками со стихами — дарами ученых, пользовавшихся нашей тушью последние две сотни лет. Я уже могла прочитать одно стихотворение, вписанное в картину: «Тени рыб стремятся по течению». Это означало, что наша тушь была темной, яркой и ровной. На длинном алтарном столе стояло две статуи: бога Долголетия,

с длинной белой, похожей на водопад бородой, и богини Милосердия, с гладким спокойным лицом. Ее черные глаза внимательно смотрели на меня. Только она прислушивалась к женским слезам и молитвам, как говорила Драгоценная Тетушка. Вокруг статуй примостились деревянные дощечки с именами предков семьи Лю, и над каждым именем было вырезано их лицо. Тетушка сказала, что там были не все мои предки, а только те, кого семья считала наиболее значимыми. Таблички с именами тех, кто не заслужил особого поклонения, и с именами женщин были разложены по сундукам и забыты.

Тетушка зажгла несколько палочек с благовониями и стала дуть на них до тех пор, пока они не задымилась. В воздухе к облачкам выдыхаемого нами пара присоединились струйки ароматного дыма. Мне иногда казалось, что это не облака, а дүхи, стремящиеся утащить меня с собой в призрачный мир Инь, чтобы я скиталась там вместе с ними. Тетушка как-то рассказывала, что после смерти тело остывает, а тем утром я так сильно замерзла, что мне стало страшно.

— Мне холодно, — хныкала я, и по моим щекам бежали слезы.

Тетушка опустила на стульчик и, усадив меня на колени, притянула к себе.

— Ну хватит, Моська, — мягко пожурела она. — Прекращай плакать, иначе слезы превратятся в льдинки и поранят тебе глаза.

Она принялась быстро разминать мои стопы, словно кусочки теста.

— Так лучше? А теперь?

Когда я перестала плакать, тетушка зажгла еще несколько палочек. Потом вернулась к порогу и взяла

свою туфлю. Она до сих пор стоит у меня перед глазами: выцветшая синяя ткань, черный носик и вышитый лишний листик, с помощью которого она заштопала дырку. Сначала я подумала, что она собирается сжечь туфлю в качестве подношения мертвым, но она только достала из складок клочок бумаги с иероглифами, который показывала мне утром. Она кивнула мне и жестами сообщила:

— Это имя моей семьи и всех костоправов.

Она снова поднесла этот клочок к моим глазам и добавила:

— Не забывай его. — И аккуратно положила бумажку на алтарь.

Мы кланялись и выпрямлялись, кланялись и выпрямлялись... Каждый раз, поднимая голову, я бросаю взгляд на это имя. И оно было...

Почему я никак не могу его вспомнить? Я произнесла вслух уже сотни имен, но ни одно из них не отзывалось узнаванием. Это было редкое имя? Неужели я забыла его, потому что слишком долго хранила в тайне? Может быть, я потеряла его так же, как потеряла все, что было мне дорого: куртку, которую Гао Лин подарила мне перед отъездом в приют, платье, которое, по словам моего второго мужа, делало меня похожей на кинозвезду, и первый детский комбинезон, из которого выросла Люи. Каждую вещь, которая становилась мне до боли дорога, я складывала в специальный сундук для сокровищ и хранила все это так долго, что почти забыла о его существовании.

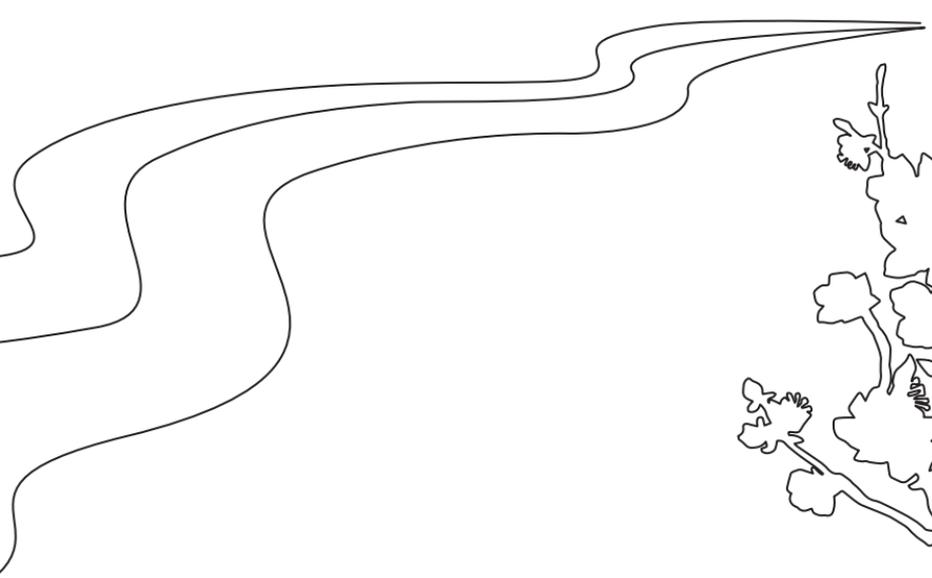
Этим утром я вспомнила о своем сундуке и пошла к нему, чтобы спрятать подарок, который Люи сделала на мой день рождения: нитку серого жемчуга, невообразимо прекрасного. Когда я подняла крышку,

мне навстречу вылетела целая туча моли. Ее было так много, что она показалась мне клубом плотного серебристого дыма. Мои сокровища превратились в ветошь, усеянную бесчисленными дырами. Не было больше ни вышитых цветов, ни ярких красок. Казалось, все, что имело ценность в моей жизни, исчезло, но самой тяжелой утратой была пропажа имени, что оставила мне Драгоценная Тетушка.

Так каким же именем нас называли? Я всегда хотела считать его и своим тоже. Тетушка, ну же, помоги мне вспомнить! Я больше не маленькая девочка и не боюсь призраков. Ты все еще на меня сердисься? Разве ты меня не узнаешь? Это я, Лу Лин, твоя дочь.



ЧАСТЬ  
ПЕРВАЯ





## Один

Последние восемь лет Рут Янг раз в году, а именно двенадцатого августа, теряла голос. Первый раз это произошло, когда она переехала в квартиру к Арту в Сан-Франциско. Несколько дней Рут могла только сипеть, как кипящий чайник. Тогда она решила, что подцепила какой-то вирус или стала жертвой аллергии на грибок, поселившийся в этом здании.

Второй раз она онемела на первую годовщину их решения съехаться, и Арт шутил, что ее ларингит попадает психосоматикой. Рут и сама подозревала, что это может оказаться правдой. В детстве она потеряла голос, когда сломала руку. Интересно, почему это произошло? На вторую годовщину они с Артом любовались звездами в национальном парке Гранд-Титон. В брошюре говорилось: «В разгар метеорного потока под названием “Персеиды”, который обычно приходится на двенадцатое августа, сотни “падающих” звезд ежечасно расчерчивают небеса серебряными нитями. На самом же деле это не звезды, а мелкие метеорные тела, проникающие в слои земной атмосферы и сгорающие на пути к Земле». И Рут в полном молчании вместе с Артом действительно наслаждалась этим великолепным представлением, развернувшимся на бархате ночного неба. Она не верила в то, что ее ларингит имеет отношение к звездам или что метеорный дождь каждый